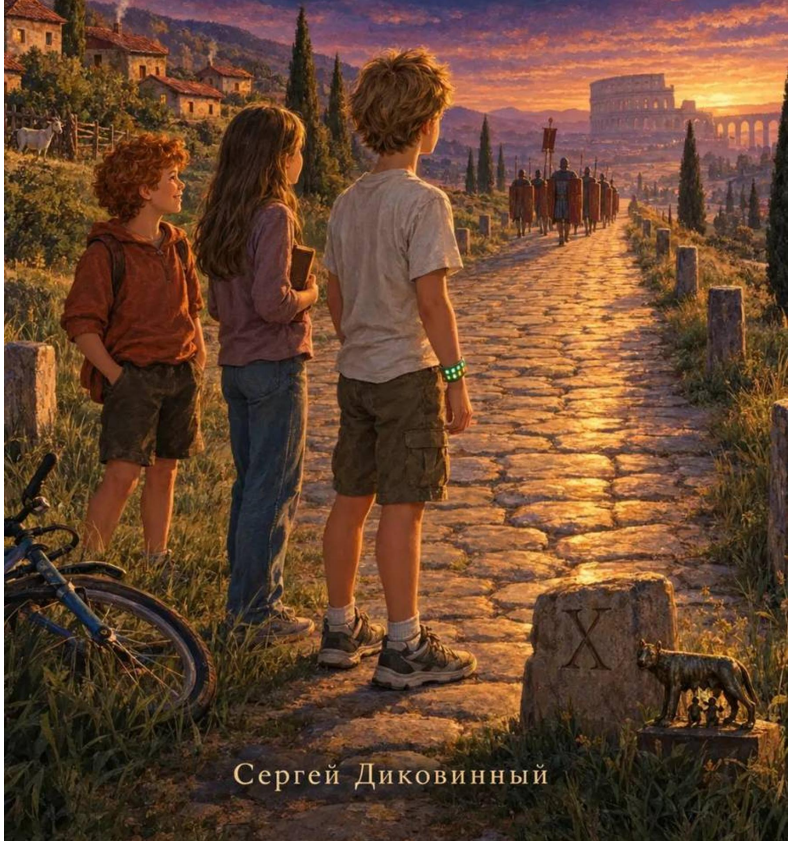

— С К В О З Ъ В Р Е М Я —

ДОРОГА И ВОЛЧИЦА

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Сквозь время. Дорога и волчица. Древний Рим

<https://litres.ru/74584972>

SelfPub; 2026

Аннотация

Витька думал, что после Греции его уже ничем не удивить. Греция научила его спорить, петь, думать. А Рим научит совсем другому: уступать. И окажется, что это — самое трудное.

В этой книге Витька пройдёт от деревни к городу. От пяти глинобитных домов на холме, где волчица кормит близнецов, — до мраморной столицы мира, где толпа, легион, хлеб и зрелища. Он увидит, как плебеи у дверей сената сто лет упорно добиваются своего — и добьются. Он увидит, как легионеры разной крови идут в ногу — и поймёт, что Рим силен не оружием, а умением делать чужих своими. Он увидит Форум, где уступают и спорят, — и увидит, как это кончается.

Он увидит Цезаря — не злодея. Поймёт, что беда не в том, что Цезарь плохой, а в том, что теперь вместо всех — один. И когда Форум замрёт, и станет тихо, — Витька поймёт больше, чем ему хотелось бы.

Он увидит Колизей — снаружи. Не пойдёт внутрь. Потому что там убивают ради зрелища, а это — уже не цивилизация. Это её тень.

Содержание

Глава 23. Волчица	5
Глава 24. Форум	15
Глава 25. Легион	25
Глава 26. Цезарь	38
Глава 27. Хлеба и зрелищ	51
Глава 28. Разбор	64
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сергей Диковинный Сквозь время. Дорога и волчица. Древний Рим

Глава 23. Волчица

Он оказался **на холме**.

Один холм. Второй. Третий. Много холмов. Между ними — **низкая, сырая земля**. Река — **узкая**, мутная, петляет между холмами. Кусты. Трава. Камыш. Над рекой — **мошара**, облаком.

Небо — **серое**. Не пасмурное. Просто — **раннее**. Ещё не

встало солнце. Всё в дымке.

Витька стоял на склоне. Под ногами — трава, мокрая от росы. Сандалий у него не было. И не босиком — в своих кроссовках. Странно чувствовались здесь. Жёлто-зелёные. С полосками. Как из другого мира. Впрочем, они и были из другого мира.

Он огляделся.

Холмы были пустые. Никаких храмов. Никаких колонн. Никаких дворцов. Только — трава. Только — кусты. Только — камни, серые, обломанные. И — дым. Далеко, между холмами. Тонкая струйка. Значит, там — кто-то живёт.

Он пошёл на дым.

Спустился в низину. Прыгнул через ручей. Мокрые кроссовки — хоть выжимай. Но — ладно. Он привык. За это лето. Мокрые ноги — не беда. Мокрая тетрадка была бы беда. К счастью, тетрадка осталась дома.

Он вышел к деревне.

Это была деревня.

Настоящая. Пять домов. Может, семь. Хижины. Из прутьев, обмазанных глиной. Крыши — из соломы, серой от дождя. Низкие двери. Окон нет. Внутри — дым. Вход — вместо трубы.

На площадке — костёр. Вокруг — люди. Немного. Мужчины. Женщины. Дети. Все — босые. Все — в рубашках, грубо сшитых. Все — худые. Не от голода — просто

жизнь такая.

Витька остановился в стороне.

Он не хотел идти внутрь. Он ропял: надо сначала посмотреть. Как в Египте. Как везде.

Он стоял за кустом.

Люди работали.

Мужчины — чинили изгородь. Не спеша. С разговором. Женщины — доили козу. Прямо на площадке. Одна толкла что-то в каменной ступке. Крупа. Пшено. Четверо детей — бегали друг за другом. Смеялись. Кричали. Визжали.

Витька смотрел.

Это была деревня. Обычная. Таких — тысячи. Таких — миллион. В любой стране. В любые времена.

Это была деревня.

И здесь — через тысячу лет — будет Рим.

Рим. Название — огромное. Он уже слышал его. Где-то. Цезарь. Легион. Колизей. Империя. Слово жирное, как монета. Слово веское, как камень. И — вот — перед ним стояло это. Глиняные хижинки. Коза. Дым из дверей.

Витька смотрел долго.

Он ничего не говорил. Не думал ничего. Просто смотрел. И понял одну вещь.

Это не «Рим». Это — деревня. А Рим — будет потом. Очень потом. Через много лет. Через многожизней. Через много смертей. Сейчас — ничего нет. Только хижинки.

ны. Только дым. Только коза.

Он услышалголос.

Голос был старый. Женский. Хриплый. Он шёлиз однойхижины— той, что была чутьвстороне.

Витька подошёлближе.

В хижине — внутри, у огня— сиделастаруха. Совсем дряхлая. Лицо — какземля. Руки — каккорни. Она что-тоговориласамойсебе. Тихо. Ровно. Пела. Или— рассказывала. Витька непонималслов.

Вокруг старухи— дети. Триили четыре. Мальчики-девочки. Летпопять-семь. Они сиделиназемляномполу. Кругом. Слушали. Неподвижно. Как заморожённые. Как вглаве17— вКрите. Как старик— уогня.

Витька селрядом. Устены. Накорточки. Слушать.

Старуха говориладолго.

Она говорилатихо. Ровно. Спаузами. Иногда— понималаголову. Иногда— смотреланадетей. Нонена-них. Сквозьних. Куда-тодалеко.

Витька непонималслов.

Но снова— как всегда— он сталпониматькартинку.

Старуха рассказывалапродвухбратьев. Одинбыл-наш. Другой— ненаш. Онипоссорилисьиз-зачего-то-важного. Старуха показаларукой— нахолмы. Нареку. Нанебо. Как будтоонавиделачто-то, чегоВитьканеви-дел. Гдедвабратастоялидругнапротивдруга. Наэтих-самыххолмах.

А потом — другое. Старухасказаласлово. Слово—
важное. Потомучтодетивсеразомзамерли. Как вгла-
ве17— когдастариксказал«Минотавр».

Витька непонялслово. Но услышалзвук. Он былмяг-
кий. Тянулвсебелл», «п», «а». Что-то вроде...«лупа»?
«лукан»? Нет. Похоже. Другое.

Старуха показаларуками. Четырелапы. Морду.
Хвост. Зверь.

МальчикрядомсВитькойшепнулему:
— Люпа.

Витька вздрогнул.

Люпа. Это —«волчица».

Старуха рассказываладалее.

Она говорилапрозверя. Какзверькормилдвухмаль-
чиков. Молоком. Какмать. Прото, какмальчикивы-
росли. Каксталистроитьгород. Здесь. Наэтомсамо-
м месте. Нахолме.

Она показаланадверьхижины. Неснаружи. Внутрь.
Какбудтогородбылтам. Внутри. Вэтойглиняноймазан-
ке. С дымомикозой.

И дети— слушали. Иверили. И— потомучтовери-
ли— городбыл.

Воттакделаютсягорода.

Витька сиделисмотрелнадетей. Настаруху. Наогонь.
И вкакой-томомент— понялещёоднувещь.

Он понял, чтоможножитьвглинянойлачуге—

ибытьвеликимнародом. Непотомучтолачугавеликая. Потомучтотыверишь, чтоотвоялачуга— начало чего-тобольшого. Иэтавера— сильнеекамня. Камнирассыплются. Вера— останется. Инапустомместепостроитсянастоящее.

Он посмотрелнамальчикарядом.

Мальчику былолетдесять. Рыжий. Курчавый. Глаза— зелёные. Веснушки. Онсмотрелнастарухувнимательно. Какбудтозапоминалкаждоеслово.

Он обернулсяипосмотрелнаВитьку.

Неиспугался. Неудивился. Какбудтождалего. Здесьвсегда. Ждал.

Витька кивнулему. Как спартанкевглаве19.

Мальчик кивнулответ.

— Марк, — сказалон.

Имя. Своё. Витькапонялпожесту— рукунагрудь.

— Витька, — сказалВитька. Тоже— рукунагрудь.

Марк улыбнулся. Непонялимени. Нопринял.

Витька вышелнаулицу.

Солнце ужевстало. Сероенебосталобелым. Холмы позеленели. Дымизхижинподнималсяпрямо, вверх. Козызаблеяли. Где-то— петух. Каквезде. Каквсегда.

Марк вышелзаним.

Он показалрукой— вперёд. Нахолмы. Наодинхолм. Самыйвысокий. Зелёный. Пустой.

Витька понял.

ТамбудетРим.

Не сейчас. Потом. Когда-нибудь. Многолетспустя.
Многожизнейспустя. Многосмертейспустя.

Но там. Онужевиделтамчто-то. В своейголове. В сво-
ёмсердце. Какстарухавиделагородвсвоейлачуге. Как-
Витькавиделгородвсвоейголове.

Он посмотрелнахолмдолго.

Он любилделатьтакраньше— когдаигралвгорода.
В песочнице. В третьемклассе. Строилизпеска. На-
зывал«Москва». Называл«Париж». Называл«Нью-
Йорк». А теперь— Рим. Тоже— изпустоты. Изничего.
Из мечты.

Всеимперииначинаютсясдеревни.

Он обернулсяназад.

Римбылздесь. Пятьдомов. Коза. Дым. Детиуогня.
Старухасволчицейнаустах.

Иэтогобылодостаточно.

Он поднялруку.

Браслет. Семнадцатьзелёныхквадратов. Семнадца-
тый загорелсясамс собой. Тихо. Мягко. Каквсе.

Он сказалпросебя:

«Семнадцать. Это — начало».

И светпомерк.

Дома былвечер.

Витька сиделзастолом. Лампагорела. Тетрадкале-
жалаоткрытой. Ручка— рядом.

Он сиделидумал.

Он думалпрото, чтоувидел. Проглиняныехижины. Простаруху. Проволчицу, которойнебыло. ПроМарка. Прохолм. Прослово«Рим», котороепокаобозначало толькодеревню.

Он взялручку.

Написал сверху:

«Волчица».

И сталписать.

Сегодня я былвРиме. Но Риманебыло. Вместонего— деревня. Пятьдомов. Глиняныестены. Коза. Дым. Всё крошечное. Всё бедное.

И старухарассказываладетямпроволчицу. Какволчицакормиладвухмальчиков. Каконивыросли. Какпостроилигород. Здесь. Наэтомместе.

Волчицынет. Небыло. Или — была, нонетакая. Как-МинотавранетвКрите. Каклегенда— этопамять, свёрнутаявисторию. Помнишь, ятеберассказывал?

Но здесьдругое.

Минотавр— памятьпросложныйдворец. Прострахпередним. Пропереход.

Волчица— памятьпросто-тооченьпростое. Прото, каклюдивыжили. Какзверьжалелдетей. Какнапустомместестроилсягород. Волчица— этонемонстр. Волчица— этомама. Живая. Настоящая. Такая, какаябыларядомскаждым, ктовыживал. Волчица— это всё, на-

что можно надеяться.

И ещё важное. Дети слушали старуху— и верили. И потому город был. Не здесь— в голове. Новголове— тоже здесь. Так начинается всё. Вера. Потом— камень.

Он задумался. Дописал внизу:

Сегодня видел мальчика. Марк. Они есть Рим. Не город. Мальчик. Из деревни. Который верит старухе.

И этого достаточно, чтобы был Рим.

Он закрыл тетрадку.

Посидел ещё немного.

Лёг спать.

Засыпая, подумал: «Семнадцать. Ещё пять».

И заснул.

Глава 24. Форум

Он оказался **на холме**.

Тот же холм. Тот самый. Тот, на который **показывал-**

Марк— в прошлый раз. Зелёный. Пустой. Теперь — не пустой.

Внизу — город.

Не деревня. Город. Он лежал в низине, раскинувшись между холмами. Камни. Камни в местах глины. Крыши— черепичные, красные. Улицы— мощёные, серые, выются вниз, к реке. Стены. Настоящие стены, высокие, из камня. Ворота. Башни. Храмы на холмах. Дым над домами. Много дыма. Густо.

Витька стоял и смотрел.

Ещё вчера— пять домов. Коза. Старуха. Сегодня— город. Большой. Настоящий. Столица.

Он понял одну вещь.

Не «вчера» и «сегодня» в его жизни. А в жизни этого места. Не день прошёл. Века. Сотни лет. Многожизней. Много смертей. Деревня стала городом. Глина стала камнем. Марк вырос— если не он сам, то его правнуки.

Витька стал спускаться с холма.

Улицы были узкие.

Дома жмутся друг к другу. Балконы нависают. Солнце сюда не достаёт. Тень. Прохлада. Пахнет хлебом. Чесноком. Вином. Потом.

Тут жизнь кипит сильнее, чем на площади. Дети играют в камешки. Хозяйка выливает воду прямо на мостовую. Какой-то мужчина тащит мешок. Ослик упирает-

ся— нехочетидти. Торговецкричитнаослика. Ослик-
неслушает. Классика.

Витька улыбнулся.

Это былокаквАфинах. Такжешумно. Такжеживо.
Но — нетоже. Афины— говорили. Здесь — делали. Там
— спор. Здесь — работа. Там — слово. Здесь — камень.

Витька шёлислушал.

Ритмбылдругой. Ровнее. Собраннее. Как будтовсе-
куда-тоидутизнаютзачем. Как будтогород— слажен-
ныймеханизм. Каждыйзнаетсвоёместо.

Он вышелкплощади.

Форум.

Слово онуслышалоткуда-то— изтолпыпроизнесли.
Короткое. Тяжёлое. Каккамень.

Это былаглавнаяплощадь.

Большая. Ровная. Прямоугольная. Мощёная. По
краям— храмы. Колонныбелые. Ступеникаменные.
Статуи. Многостатуй. Каменныелюди— смотрятвниз,
натолпу. Малопохожинаживых. Слишкомважные.

В центре — базилика. Длинная. Сколоннамипобо-
кам. Тамходилилюди— медленно. Тихо. Деловито.
Что-то обсуждали. Что-то решали. Внутри— тень. Про-
хлада.

Со стороныбазилики— здание. Ещёважнее.
Дверьоткрыта. Внутридутмужчины. Одетыеодина-
ково. Белыетогискраснойкаймой. Медленно. Важ-

но. Какбудтоунихестьвремя. Ивседела. Увсехосталь-
ных— нет. Ауних— есть.

Витька смотрел.

Он понял.

Сенат.

Тутрешали. Тутсобиралисьсамыеважные. Тутсло-
вобылосильнеекамня. КаквАфинах. Но— нетак.

Нетак, потомучтотуданевпускаливсех.

Он виделэто сразу.

Вокруг сената— толпа. Люди простые. Плебеи—
Витькауслышалслово. Короткое. Презрительное. Та-
квашные люди говорили про них. Плебеи. Толпа.

И вэтойтолпе— кричали.

Один мужчина вышел вперёд. Впростойрубаше. Смо-
золяминаруках. Кузнецилиплотник. Онкричал. Он-
что-тотребовал. Показывалрукаминасебя. Надругих.
Насенат. Голосунегобылнеслабый. Могкричать. Мог-
бытьуслышанным.

Но егонепускаливнутрь.

Двое стражниковскопьями— перегородиливход.
Негрубо. Нотвёрдо. Мужчинанеотходил. Продолжал-
кричать. Толпагудела.

Витька смотрелнанего.

Он вспомнилАфины. Главу19. Там тожебылипро-
стыелюди. И тамтожебыливажные. Нотам— всемо-
глиговорить. Каждый. Наплощади. Никтоникого неза-

гораживал. Здесь— загораживали.

Он понял: это— неАфины.

Это— Рим.

Другое.

Он почувствовалрукунаплече.

Обернулся.

Перед нимстоялпарень. Летпятнадцати. Рыжий. Курчавый. Зелёныеглаза. Веснушки. Впростойтунике. Босой. Загорелый.

Витька смотрелнанегосекунду.

Потомузнал.

— Марк?

Парень улыбнулся.

Тот самый. Тотжерыжий. Тежевеснушки. Тотжевзгляд— внимательный, какувсехМарковнасвете. Только— вырос. Сильновырос. Былдесять— стало пятнадцать. Или— онневырос, этодругойМарк. Внук того. Правнук. Неважно. Это— Марк. ТотжеМарк. Кактотжегород— инетотже.

Марк сказалчто-то. Ипоказалрукой— накричащегомужчину. Потом— насенат. Потом— насебя.

Витька понял.

«Он— я».

Мужчина удвери— Марк. Тотжечеловек. Только-взрослый. Только— кричит. Только— егонепускают.

Витька понялито, чегоМаркнесказал.

Марк былтам. Сними. Сплебеями. Это— еголюди. Это— егодело. Онпятнадцать. Онтожепойдѣттуда. Кричать. Черезнескольколет.

Витька смотрелнанегодолго.

Марк потянулегозаруку.

Повѣл куда-то. Всторону. Открика. Отсената. Вперелок.

Там былопотише. Плебеижилиздесь. Тесно. Грязно. Теснее, чемвцентре. Хуже, чемупатрициев. Витькапонял: это— каквАфинахбылобы—новАфинахнебылотакрезко. ВАфинахвсесчиталисьгражданами. Здесь— невсе.

Марк привѣлегокоднойдвери.

Обычная. Деревянная. Низкая.

Марк постучал. Открыл. Зашѣл. Поманил.

Витька зашѣл.

Внутри— полутемно. Лампамасляная. Стол. Скамьи. Несколькомужчин. Сидели. Молчали. Какбудто-толькочтозакончилиговорить. Илитольконачинают.

Марк селнаскамью. КивнулВитьке— садись. Витькасел.

Молчаниебылодолгим.

Потом одинизмужчин— седой, смозолями— заговорил. Тихо. Ровно. Безкрика. Как будтоэтобылоневпервыйраз.

Витька слушал.

Он непонимал слов.

Но понимал смысл.

«Нам надо быть услышанными».

«Мы — тоже Рим».

«Мы — строим стены. Мы — пашем землю. Мы — умираем за город. Почему мы — не граждане?»

Марк слушал внимательно. Как в детстве. У старухи. У огня.

Витька смотрел на Марка.

И вспомнил старуху.

И деревню.

И волчицу.

И вдруг понял одну вещь.

Рим — это не город. Рим — это люди. Разные. С разными правами. С разными жизнями. С разными голосами. Ито, что происходит сейчас, — это нессора. Это — разговор. Долгий. Тяжёлый. Нет такой, как в Афинах. Нет громкий. Нет такой же важный.

И в этом — сила Рима.

Рим умеет слушать.

Медленно. Тяжело. Через столет. Но — умеет. Потому что иначе — развалится.

Мужчины встали.

Разошлись. Молча. Каждый — своим путём.

Марк вышел вместе с Витькой на улицу.

Солнце уже клонилось к западу. Тени стали длинны-

ми. Пахлоужином. Кто-то жарил что-то на углях. Хорошо.

Марк смотрел на форум — вниз, туда. Отсюда виден был весь. Сенат. Базилика. Статуи. Храмы. Толпа.

Он сказал что-то. Коротко.

Витька понял потону. Непословам.

«Наш город».

Наш. Не их. Не патрициев. Не сенаторов. Наш. Всех.

Так работает Рим.

Не потому, что кто-то победил. А потому что все уступали. Шаг за шагом. Столет за столет. И город рос.

Витька поднял руку.

Восемнадцать зелёных квадратов. Восемнадцатый — такой же тихий. Как все.

Он сказал про себя:

«Восемнадцать. Это — уступить».

И свет померк.

Дома были ночью.

Витька сидел за столом. Лампа. Тетрадка. Ручка.

Долго смотрел в окно. На реку. Свою. Маленькую.

Посравнению с Тибром. Но — свою.

Потом написал сверху:

«Форум».

И стал писать.

Сегодня я был в Риме. Рим уже есть.

Это город. Большой. Каменный. Сулицами. Столпа-

ми. Схраминахолмах.

Но я сразу поняла одну вещь: это не Афины. И не Спарта. Это — третье.

В Афинах все граждане — равны. Каждый говорит. Каждого слушают. У всех — один голос.

В Спарте — все — одно. Один строй. Один шаг. Один голос на всех.

А в Риме — не так. В Риме — есть важные и неважные. Патриции и плебеи. Те — всенате. Эти — удвери. Не имеют голоса.

Нослушай.

Я видел, как плебеи кричали. Не молчали. Не бунтовали. Соружием. Требовали. Медленно. Упорно. Столет. Два-стилет.

И знаешь что?

Сенат — слушал.

Я не знаю, что будет дальше. Может — уступят. Может — нет. Но я почувствовала одну вещь: Рим — это умение уступить.

Неслабость. Непоражение. Умение. Как искусство. Если ты не уступишь вовремя — город развалится. А если уступишь — станет только крепче.

Потому что все — в одном Риме. Все — внутри. И патриции. И плебеи. И Марк. И седой мужчина с мозолями.

Все — Рим.

Он задумался. Дописал:

*Иещё: Марквырос. Онтеперьпятнадцать. Он—спле-
беями. Он—одинизних. Иэтохорошо. Он—Рим. Каки-
был. Простотеперь—взрослый.*

Он закрылтетрадку.

Подумал: «Восемнадцать. Осталось четыре».

И лёгспать.

Глава 25. Легион

Он оказался на дороге.

Не на холме. Не в городе. Не в переулке. Прямая, широ-

кая, мощёная дорога — уходила вдаль, к самому горизонту, и на ней нельзя было разглядеть конца. По обе стороны тянулись поля: выжженные солнцем, жёлтые, с редкими пятнами зелени у ручьёв. Вдоль дороги, ровно через каждые несколько сотен шагов, стояли каменные столбы — низкие, гладкие, с выбитыми на них цифрами. Витька не знал, зачем они. Просто видел: дорога размечена. Размерена. Она знала, куда ведёт.

Он посмотрел в одну сторону. Ничего. В другую. Ничего. Ни города, ни людей, ни дыма вдалеке. Только дорога, поля и солнце, стоящее в самом зените, яростное и белое.

Витька пошёл вперёд.

Он не знал почему. Просто шёл. Ноги сами несли его по камню, и шаг получался ровный, как будто дорога задавала ритм. Один. Два. Один. Два. Он поймал себя на том, что идёт в такт. И почему-то это было приятно.

Потом он услышал пыль.

Не звук. Пыль вообще не звучит. Но что-то впереди поднималось над дорогой — серое облако, плотное, высокое. Оно ползло к нему навстречу, и вместе с ним шёл глухой, тяжёлый гул. Не крик. Не песня. Что-то ниже и глубже. Как будто где-то далеко бьёт один большой барабан, и от него дрожит земля.

Витька остановился.

Облако росло. Гул приближался.

И тогда он увидел их.

Они шли строем.

Не толпой. Не отрядом. Строем. Ровные ряды, в ногу. Впереди — знамя. Не флаг в нашем смысле — скорее длинное копьё с привязанным к нему куском плотной ткани, и на ткани был нарисован зверь. Витька не сразу разобрал, кто это — может, волк, может, орёл. Но зверь был. Зверь шёл впереди. Зверь вёл.

За ним — люди.

Много. Больше, чем он видел в Афинах на площади, больше, чем на Марафоне. Шеренга за шеренгой. Все в одинаковых доспехах — не таких, как у греков. Не бронзовые нагрудники, не яркие плащи. Другое. Кольчуга мелкая, как чешуя. Длинные щиты — не круглые, а прямоугольные, высокие, почти в рост человека. Шлемы с широкими нащёчника-ми, из-под которых видны только глаза. Все — в ногу. Все — молча. Единственный звук — этот глухой, ровный гул: сапоги по камню. Тысячи сапог. Один ритм.

Витька стоял на обочине и смотрел.

Он вспомнил Марафон. Вспомнил ту тихую, неровную, живую линию афинян — с разными щитами, с разными рисунками, с хлебом в карманах у кого-то, со стариком, который рассыпал вокруг себя что-то из мешочка. Та линия не была ровной. Она была живой.

А эта линия была ровной. И от этого — страшной. Не злой. Просто — нечеловечески точной. Как будто это шёл не отряд людей, а одно существо. Одно большое тело с тысяча-

ми ног.

Никто не обернулся в его сторону. Ни один солдат не повернул головы. Ни один не сказал ни слова. Они просто шли. Ровно. Одинаково. И это было — Витька вдруг понял — красиво. Страшно, но красиво. Как река, которая течёт не туда, куда ей хочется, а туда, куда прорыто русло.

Он пошёл следом.

Не рядом. По обочине. На некотором расстоянии. Так безопаснее. И так лучше видно.

Отряд свернул с дороги на закате.

Витька увидел, как впереди — на ровном, вытоптанном поле — строят лагерь. Только что было пусто, а через несколько минут уже поднимались палатки. Ровными линиями. Одинаковыми. Кожаными, плотными, натянутыми на деревянные шесты. Между палатками — тоже ровные проходы. Всё рассчитано. Всё на своём месте.

Кто-то копал ров. Витька не сразу понял, зачем, — до самого горизонта никого не было, никакого врага, никакой опасности. Но ров копали. Всегда. Как всегда ставили палатки ровно. Как всегда выставляли дозорных. Не потому, что кто-то мог прийти сегодня. А потому, что так надо. Так делали всегда. И будут делать завтра. И через сто лет.

Витька остановился на краю поля и сел на камень.

Он смотрел на них долго.

Он вспомнил Спарту. Спартанские мальчишки шли в ногу. Босые. Молчаливые. С короткими волосами. Их учили с дет-

ства. Из них делали одно. Витька тогда подумал: вот это сила. Вот это порядок. Вот это умение быть вместе, а не каждый сам за себя.

А теперь он смотрел на легион и понимал, что здесь — другое.

Спартанцы маршировали потому, что иначе не умели. Их так воспитали. Они не могли иначе. Строй для них был не методом, а воздухом, которым они дышали. А в этих рядах были разные люди. Витька видел по лицам — по тем немногим лицам, что видны были из-под шлемов. Один с тёмной кожей, как будто из Африки. Другой — светлоглазый, светловолосый, как будто с севера. Третий — смуглый, с орлиным носом, похожий на тех, кого Витька видел в Греции. Они были из разных мест. Они говорили, наверное, на разных языках. И всё-таки шли вместе. В ногу. Ровно.

Это тоже было силой. Но другая сила. Не та, что стоит изнутри. Та, что собирается со стороны. И Витька вдруг подумал: а может быть, это даже крепче.

Рядом с ним кто-то сел.

Витька не вздрогнул. Он уже научился не вздрагивать. Просто повернул голову.

Марк.

Тот же рыжий, тот же курчавый, те же зелёные глаза. Но теперь — в простой солдатской тунике, не в городской. И с коротким мечом на боку. И с руками, которые уже не выглядели как руки мальчишки. Кожа на ладонях загорела. На

пальцах — мозоли. Там, где раньше была мягкость, — теперь была работа.

Он не улыбнулся. Просто кивнул — как раньше. И стал смотреть вместе с Витькой на лагерь.

Они сидели молча.

Долго.

Витька понял, что за эту поездку научился очень многому. Но самое, пожалуй, главное — это молчать рядом с кем-то и не считать это неловким. Просто сидеть. Просто смотреть. Просто быть.

Потом Марк заговорил.

Он говорил тихо, спокойно, глядя не на Витьку, а на лагерь. Витька не понимал слов. Но понимал, что это не жалоба, не хвастовство и не рассказ. Это скорее объяснение. Как будто Марк объяснял ему что-то важное, но не для того, чтобы Витька понял — а чтобы сам для себя ещё раз это произнёс.

Он показывал рукой.

Вот — палатки. Ровные. Вот — ров. Всегда. Вот — дозор. Даже когда никого нет. Вот — знамя. Впереди. Впереди не командир. Впереди — знамя. Знамя важнее командира. Если командир погибнет — знамя остаётся. Пока знамя стоит — легион стоит. Даже если командира нет.

Витька слушал и смотрел туда, куда показывал Марк.

Он понял главное, ещё не переведя для себя ни одного слова. Он понял, что в этом строе — не просто порядок.

Здесь было нечто другое — то, что он никак не мог назвать точным словом. Порядок, который держится не потому, что кто-то заставляет. А потому, что каждый внутри себя знает: если я сейчас сломаю шаг — сломается всё. Не я один. Все. И потому — не сломаю.

Это было иначе, чем страх. И иначе, чем любовь. Что-то третье, чему Витька не знал названия. И не пытался придумать. Просто чувствовал — и этого было достаточно.

Мимо них прошёл человек.

Взрослый легионер. Лет сорока, может, больше. Шлем он нёс под рукой, и лицо его виднелось целиком: усталое, спокойное, с глубокими морщинами у глаз. Он остановился рядом с Марком и что-то сказал. Коротко. Марк ответил. Потом легионер посмотрел на Витьку. Долгим, внимательным, но не враждебным взглядом. Как будто прикидывал, кто это и откуда. И, не найдя ничего опасного, кивнул.

Потом он заговорил с Марком — не спеша, с паузами. Марк слушал внимательно. Как когда-то, в детстве, слушал старуху у огня. То же лицо. Та же сосредоточенность. Та же готовность запоминать.

Витька смотрел на них и вдруг понял, что перед ним — не начальник и не подчинённый. Здесь так не работало. Скорее — старший и младший. Один передаёт другому то, что знает сам. Не потому, что обязан. А потому, что иначе — нельзя. Иначе не проживёт. Ни отдельный человек. Ни весь легион.

Это было то же самое, что старуха у огня, — но переве-

дённное на другой язык. На язык железа и шага.

Марк повёл его в лагерь.

Не внутрь строя — вдоль. По краю. Витька шёл, стараясь держаться рядом, и смотрел по сторонам.

Внутри лагеря кипела жизнь. Но какая-то очень правильная, очень упорядоченная жизнь. Кто-то чинил кольчугу. Кто-то точил меч. Кто-то готовил еду на большом котле, и от котла пахло кашей и дымом. Кто-то перевязывал руку — не раненому, а самому себе, мозоль, натёртую в переходе. Все занимались делом. Никто не бездельничал. И при этом не было ощущения казармы. Было ощущение дома. Дома, у которого очень много хозяев, и все они делают его пригодным для жизни.

Витька вспомнил Афины. Там тоже кипела жизнь. Но иначе. Там люди болтали. Спорили. Кричали. Здесь люди работали. Молча. Сосредоточенно. Каждый — своё.

И то, и другое было жизнью. Но разной жизнью.

Витька в который уже раз за это лето подумал: вот как получается. Одно и то же можно делать совершенно по-разному. И оба раза — правильно. И никак нельзя сказать: вот это — лучше, а это — хуже. Можно только сказать: это — другое.

Возле одной из палаток Марк остановился.

Он сказал что-то Витьке и показал на палатку — мол, заходи. Витька вошёл.

Внутри было темно и тесно. Пахло травой, потом, кожей.

В углу лежали вещи: небольшой сундук, плащ, пара сандалий, фляга. Всё аккуратно сложено. Как будто человек, который здесь живёт, знает, что завтра в любой момент может сняться с места. И потому не держится ни за что лишнее.

Марк вошёл следом. Сел на корточки. Показал Витьке — садись. Витька сел.

И Марк снова заговорил.

Витька не понимал слов. И всё-таки понимал всё.

Марк говорил про отца. Витька догадался по интонации. У Марка был отец, который служил в легионе. Погиб. Или — нет, не погиб. Ушёл далеко. Может быть, в Галлию, а может, ещё дальше. И вот теперь Марк — сам. Скоро в легион. Сначала вспомогательным. Потом — может быть — полноправным. Если повезёт.

И в этом «если повезёт» была та же самая интонация, что и у афинян перед Марафоном. Та же самая человеческая нота. Витька её уже слышал однажды. И узнал сразу.

Он понял: вот оно. Вот это то, за что воюет этот строй. Не за камни. Не за стены. Не за имя города. А за то, чтобы у Марка — и у его будущих детей — было завтра. Обычное завтра. Место в строю. Право называться своим.

Витька вспомнил плебеев. Того седого мужчину с мозолями. И понял, что в легионе происходило то же самое, что и на Форуме. Только здесь это было быстрее. Здесь ты мог получить своё не через сто лет, а через десять. Отслужить. Отличиться. И стать — римлянином. Полноправным. Своим.

Рим не просто брал чужих. Рим делал их своими. Это было не жадностью. Это было гениальностью.

К вечеру Марк вывел Витьку из лагеря.

Они поднялись на небольшой холм, с которого было видно всё: поле, палатки, ров, дозорных, дорогу. За холмом садилось солнце. Красное, большое, как будто оно тоже устало и хотело отдохнуть.

Витька сел на землю. Марк рядом.

Они сидели и смотрели.

Витька думал. Долго и спокойно. У него было много мыслей, и все они складывались медленно, одна к одной, и в конце концов сложились.

Он понял одну вещь, которую не мог сформулировать до конца, но чувствовал ясно, всем телом. Рим победит не потому, что он сильнее. Не потому, что у него лучшие воины. Не потому, что у него железо вместо бронзы. Рим победит потому, что он умеет брать чужих и делать их своими. Тот тёмный легионер из Африки — теперь римлянин. Тот светловолосый с севера — теперь римлянин. Тот с орлиным носом, грек, — тоже римлянин. Каждый из них сначала был никем. А теперь у каждого — знамя, палатка, место в строю, право на завтра.

Вот почему легион не распадается. Не потому, что кто-то его сжимает в кулак. А потому, что каждому в этом строе есть что терять. И есть за что стоять.

Витька посмотрел на Марка.

Рыжий. Курчавый. Зелёные глаза. Веснушки. Он сидел и смотрел на лагерь, и на лице у него было то же самое выражение, что когда-то у старухи, когда она рассказывала про волчицу. Это было выражение человека, который точно знает, зачем он здесь. Который не раздумывает. Который в этом строю — свой.

Витька поднял руку.

Девятнадцать зелёных квадратов. Девятнадцатый загорелся тихо, как все остальные.

Он сказал про себя:

«Девятнадцать. Это — принимать».

И свет померк.

Дома был поздний вечер.

Витька сидел за столом. Лампа горела, но свет был мягкий, и глаза уже начинали слипаться. Он долго смотрел в окно, на реку. Река плескалась тихо, как всегда. Спокойно. Домашне.

Потом он взял ручку, открыл тетрадку и написал сверху:

«Легион».

И стал писать.

Сегодня я был в римском войске.

Это не то же самое, что греческое. Я вспомнил Марафон, где афиняне стояли и пели — каждый сам, со своим щитом, со своим рисунком, со своим хлебом в кармане. Та линия была неровная, но живая. Тогда я подумал: вот это свобода.

А сегодня я увидел другой строй — ровный, точный, молчаливый. И сначала подумал: это — противоположность. Это — не свобода. Это что-то другое.

Но потом понял: нет. Это не противоположность. Это тоже свобода. Только другая.

Потому что эти люди стоят не потому, что их заставляют. Они стоят потому, что каждый из них когда-то был никем, а теперь у него есть знамя, палатка, место в строю и право на завтра. За это они и стоят.

Рим умеет брать чужих и делать их своими. Я никогда такого до сих пор не видел. В Египте был один народ — египтяне. В Междуречье — тоже. В Греции — свои. А тут — все. Африканец. Северянин. Грек. Все — римляне. Не потому, что стали другими. А потому, что получили право называться Римом.

И вот из-за этого Рим будет расти. Я догадываюсь. Он не просто строит город. Он строит список тех, кто внутри. И этот список всё время растёт. Не потому, что Рим добрый. А потому, что так выгоднее. Хитрее. Умнее.

Мне кажется, это важно. Это не про добро и не про зло. Это про умение.

Он задумался, посмотрел на браслет. Дописал внизу:

И еще про Марка. Он вырос. Из того мальчика, который слушал старуху у огня, получился солдат. Скоро он уйдёт в легион. Настоящий. Может быть, я его больше

не увижу. Не знаю.

Но когда я смотрел на него сегодня — я понимал, что неважно, увижу или нет. Он уже понял про свою жизнь главное. А это — самое важное. Понять главное про свою жизнь.

Он закрыл тетрадку. Посмотрел на браслет. Девятнадцать.

Подумал: «Осталось три».

И лёг спать.

Глава 26. Цезарь

Он оказался на той же самой улице.

Витька узнал её сразу — по камню, по узости, по тому,

как дома жались друг к другу, оставляя только полоску неба над головой. Только теперь эта улица была другой. Шумной. Полной людей. Не спешащих, а идущих в одном направлении — куда-то, всем потоком, как река, которую не остановить. Витьку подхватило и понесло вместе со всеми. Он даже не успел подумать, куда идёт. Просто шёл. Как все.

Люди вокруг были другие — не такие, как в прошлый раз. Тогда по улицам ходили мастеровые с мозолями на руках, хозяйки с корзинами, дети с камешками, ослики с упрямыми мордами. Сейчас толпа была пёстрая. Нарядные одежды. Золото на пальцах. Рабы с опахалами и корзинами. И вместе с этим — бедняки, те же самые, что всегда: босые, худые, но не унылые. И все — рядом. Все — вместе. И куда-то — в одну сторону.

Витька шёл и слушал.

Он не понимал слов. Но понимал тон. Люди говорили громко, перебивая друг друга, что-то доказывая, чем-то восхищаясь. Кто-то хлопал кого-то по плечу. Кто-то смеялся. Кто-то качал головой, но с улыбкой. В воздухе висело что-то — Витька не сразу понял, что именно. Потом понял: ожидание. Такой воздух бывает перед большим праздником, перед объявлением, перед чем-то, чего все ждут и хотят, но боятся взглянуть. Все ждали. Все шли.

И тогда Витька понял, куда идёт поток.

На форум.

Форум был забит до отказа.

На ступенях храмов сидели. У колонн стояли. На статуях — висели мальчишки, чтобы видеть. Толпа была такой плотной, что, казалось, дышала одним большим воздухом. Витьку втиснуло в самую гущу, и он сначала испугался — не раздавили бы, — но потом почувствовал, что толпа не злая. Она была как разлитая вода: мягкая, тёплая, неудержимая, но не сердитая.

На форум, к сенату, шёл человек.

Витька увидел его издалека. Сначала — только движение: толпа там расступалась, давала дорогу, и по этой расступавшейся просеке шёл кто-то небольшой, сутуловатый, в простом плаще. Не на коне. Не с охраной. Пешком. Как все.

Когда он подошёл ближе, Витька разглядел лицо.

Не молодое. Лет пятидесяти. Худое. С длинным носом, с большим лбом, с редкими волосами, тщательно зачёсанными на пробор. Глаза — быстрые, внимательные, такие, которые всё видят и всё запоминают. Он шёл и кивал. Кому-то. Другому. Третьему. Улыбался. Останавливался. Пожимал кому-то руку. Говорил коротко, несколько слов. И шёл дальше.

Это был Цезарь.

Витька понял это без объяснений. По тому, как на него смотрели. По тому, как рядом с ним становились тише. По тому, как в спину ему летели — не крики, нет, — а тихий, ровный, общий гул. Такой, как будто люди вокруг думают одно и то же и не могут это сдержать.

Он шёл мимо Витьки совсем близко. И — на одно короткое мгновение — посмотрел на него. Прямо. В глаза. Не удивлённо, не подозрительно. Просто так. Как будто отметил. И пошёл дальше.

Витька замер.

Он подумал — что это было. Ничего. Он просто попал в поле зрения. Но было что-то в этом взгляде. Такое, как будто этот человек привык смотреть на людей и понимать их с ходу. Как будто одним взглядом он успел увидеть в Витьке что-то непонятное и отложить это непонятное в дальний ящик. Мол, потом разберусь.

Цезарь прошёл. Толпа сомкнулась. Витька остался стоять.

Он долго шёл за ним по форуму. Не потому, что хотел что-то понять, а потому, что его неудержимо тянуло. Этот человек двигался так, как будто он всю жизнь находился в центре внимания и не устал от этого. Он не гордился. Не красовался. Он просто был — и этого было достаточно, чтобы вокруг него всё происходило.

Витька присел на ступени храма. И стал смотреть.

Цезарь выступал перед толпой. Не с трибуны. Прямо на площади. Он говорил, и толпа слушала. Не потому, что обязана была слушать. А потому, что — хотела. Что-то в его голосе держало их. Может быть, то, что он говорил про них. Про их город. Про их будущее. Про их детей. Может быть, просто — мастерство. Но Витька чувствовал: здесь больше, чем мастерство. Здесь была любовь. Толпа любила его.

Рядом с Витькой сел пожилой человек.

Никто не приглашал его. Он просто сел, как будто им было по пути. Обычный римлянин. Серые волосы. Морщины. Такая же туника, как у всех. Он посмотрел на Витьку — коротко, оценивающе. Потом — на Цезаря. И что-то сказал.

Витька не понял слов. Но услышал тон. И по тону понял всё.

«Он ведёт нас хорошо. Долго вёл. Но что-то — не так».

Витька оглянулся на пожилого. Тот смотрел не на толпу. На сенат. Туда, где раньше заседали важные люди в белых тогах с красной каймой. Сегодня сенат стоял пустой. Дверь закрыта. Никто не выходил и не входил. Как будто там никого и не было.

Витька посмотрел на сенат. Потом — на Цезаря. Потом — на пожилого.

И понял главное, что нужно было понять в этой главе.

Цезарь был один.

Не в смысле — без охраны. Охрана была. Не в смысле — без друзей. Друзья были. Он был один в другом смысле. Он был один — вместо. Вместо сената. Вместо республики. Вместо всех тех, кто когда-то решал вместе. Он сам был теперь — за всех. Один человек — за целый город. За целую страну. За целый мир.

Вот что было не так.

Не то что он плохой. Не то что он злой. Не то что он не умеет вести. Он умел. Он великолепно умел вести. Просто

— теперь за всех должен был отвечать один. И от этого веяло чем-то очень тревожным.

Витька вспомнил Форум из прошлой главы. Плебеев у двери. Седого мужчину с мозолями. Он вспомнил, как они спорили, как добивались, как медленно и упорно требовали своего. И как сенат — слушал. Слушал! Это было главное. В том Риме сенат слушал. А сегодня — вот — сенат закрыт. А Цезарь — говорит. И толпа — слушает. И больше никого нет. Никого, кто мог бы сказать: «Постой. Я думаю иначе».

Витька встал и пошёл по площади.

Он шёл вдоль колонн и слушал разговоры. Не как раньше — стоял и смотрел. Теперь он шёл и вслушивался. Люди были восторженные. Но в этом восторге пряталось что-то ещё. Витька не сразу разобрал. Потом понял. В нём пряталось — нетерпение. Люди хотели, чтобы Цезарь наконец взял всю власть. Официально. Чтобы стал — как цари других народов. Чтобы не притворяться больше республикой. Чтобы — ясно и просто.

Витька остановился. Огляделся.

Он посмотрел на тех, кто его окружал. На молодых. На старых. На торговцев. На господ. На рабов. На всех. И вдруг очень ясно почувствовал, что видит Рим в переломную минуту. Одну из тех минут, которые потом в книгах называют большими словами — «поворот истории». А тогда — это просто толпа. Просто площадь. Просто день, такой же, как все.

Он поискал глазами Марка. Напрасно. Марка здесь не было. Слишком много времени прошло. Марк был — или погиб — или жил где-то далеко — или прошёл через всё это, как и вся его непростая жизнь. Витька вдруг понял: он больше не увидит Марка. Ни в этой поездке, ни в следующей. Он был — и прошёл. Как проходят все, кто был рядом и был дорог.

Он поискал другого — знакомого.

И нашёл.

Рядом, у колонны, стоял молодой человек — лет двадцати. Рыжий. Курчавый. С зелёными глазами. В веснушках. Обычный римский парень. Смотрел на Цезаря. Внимательно, спокойно, без восторга. Так же, как когда-то Марк смотрел на старуху у огня.

Витька смотрел на него долго.

Это был не тот Марк. Это был кто-то другой. Может быть, его сын. Может быть, внук. Может быть, просто — тот же самый род, с тем же лицом, из поколения в поколение. Марки — это имя, а не только человек. И это имя живёт. И это лицо — тоже живёт. И тот же взгляд — тот же, что у старухи. И та же готовность — слушать. И та же сосредоточенность — думать о своём.

Витька понял: этот мальчик тоже не всему верит. Он просто стоит. Смотрит. Ждёт. Думает. Как когда-то его далёкий предок.

Витька подошёл к нему. Тот повернул голову. И кивнул.

Не как знакомому. Как своему.

Витька тоже кивнул.

И они опять молчали. Как всегда.

День клонился к вечеру.

Витька уже собирался уходить — не потому, что хотел, а потому, что чувствовал, что пора, — когда что-то изменилось. Негромко. Не резко. Но весь форум как-то разом замер. Не в смысле — замолчал. А в смысле — застыл. Даже воздух перестал двигаться. Потом где-то на дальнем конце площади послышался короткий звук. Что-то упало. Или кто-то упал. И прокатилось — по краю — глухое, тяжёлое «О-о-о-о...». Не крик. Просто звук, с которым люди понимают, что случилось плохое.

Витька посмотрел туда.

Он ничего не увидел. Толпа сгустилась. Люди стояли спиной к спине, молчали, никто не двигался с места. И в этой самой неподвижности было что-то страшнее всякого крика. Стало тихо — так тихо, как не бывает в толпе. Как будто город на секунду перестал дышать.

Молодой Марк рядом с Витькой побледнел. Он посмотрел на Витьку. И вдруг заговорил быстро, громким шёпотом. Витька не понял ни слова — но не надо было понимать. Хватило того, как он это сказал. Как люди говорят невозможное.

Он сказал: «Цезаря убили».

Витька посмотрел на сенат.

Дверь была открыта. Внутри — темно. На ступенях у вхо-

да — что-то лежало. Витька не стал вглядываться. Не хотел. Ему и так было ясно.

Он стоял в самом центре Рима, и от него больше ничего не зависело. Он не мог помочь. Не мог изменить. Не мог ничего сказать. Он был просто мальчиком, который случайно попал на площадь в день, когда кончился один мир и начался другой.

Ночь пришла быстро.

Витька сидел на ступенях храма. Недалеко — там, где днём стояла толпа. Сейчас никого не было. Форум был пустой, тёмный, страшный. Луна освещала камни, и каждый камень казался — отдельным. Как будто город распался на части и никак не мог собраться обратно.

Витька думал.

Он думал о том, что Рим — сильный город. Великий. Мощный. Сто лет строил свою республику. Сто лет — я не знаю — двести, триста лет уступал и уступал друг другу. Медленно. Упорно. Он вспомнил главу про Форум. Седого мужчину у дверей. Медленное, упорное, тихое требование. И сенат — слушал! Слушал! Это было чудо. И вот оно кончилось.

Цезарь был не злодеем. Он был лучшим, что у Рима было. Он победил всех врагов. Он расширил границы. Он укрепил порядок. Он всё умел. И был — один. Один за всех.

И вот теперь — его больше нет. Убили прямо на заседании. Прямо в сенате. Прямо среди тех, кто когда-то вместе решал. Тех самых, кому Цезарь — и его сторонники, как и

его враги, — все они прежде доверяли. Может быть, те самые, кто уступил однажды — а потом перестал уступать. Может быть, те, кто устал уступать.

Витька понял: Рим не погиб сегодня. Рим ещё сто раз поднимется, окрепнет, победит, станет величайшей империей мира. Он видел смутно, краем сознания, что впереди у этого города — не конец, а — огромное будущее. Долгое. Блестящее. И чем-то — страшное.

Но сегодня здесь была правда. И эта правда была в другом. Эта правда была: даже самый сильный город может потерять себя, если перестанет уступать друг другу. Если вместо многих голосов решит, что довольно одного. Если заменит шум — на молчание.

Витька долго смотрел на пустой Форум.

А потом, не выдержав, посмотрел на спину — туда, где стоял молодой Марк. Он был всё ещё здесь. Не ушёл. Тоже смотрел. Не на сенат. Не на толпу. На Рим. Так, как будто прощался.

Витька поднял руку.

Двадцать зелёных квадратов. Двадцатый — загорелся тило.

Он сказал про себя:

«Двадцать. Это — терять».

И свет померк.

Дома была глубокая ночь.

Витька сидел и не мог сразу взяться за ручку. Ему было

нехорошо. Просто нехорошо, без объяснений. Как будто он присутствовал при чём-то, что не должен был видеть, — но увидел. И теперь должен как-то это переварить.

Он включил лампу поярче. Посидел ещё. Посмотрел на реку за окном. Она текла, как всегда. Спокойно. Размеренно. И от того, что она так спокойно течёт, стало немного легче.

Он открыл тетрадку. Написал сверху:

«Цезарь».

И стал писать.

Сегодня я был в Риме в тот день, когда убили Цезаря.

Я видел его. Живого. Он шёл через толпу, как будто просто шёл по своим делам. Люди его любили. Они смотрели на него как на своего. И он смотрел на них тоже как на своих.

Я был на форуме. Толпа стояла плотно. Сенат был закрыт. И в этом закрытом сенате было что-то тревожное. Сенат — это место, где раньше решали вместе. А сейчас — решал один. Вот что было не так. Не Цезарь был плохой. А то, что он оказался один вместо всех.

Я видел — потом. Но не то, что было. Я видел только, как люди замерли. И как тихо стало.

Я узнал от людей: Цезаря убили.

Он приходил, чтобы говорить с сенатом. Он был у них. У тех самых, с кем когда-то вместе правил. И они убили его. Может быть, те, кому он доверял. Может быть, те, кому он — не очень. Неважно. Убили.

Я думал потом всю ночь и не сразу понял одну вещь.

Рим не сломался. Рим пойдёт дальше. Может быть, станет ещё сильнее. У него будет своя империя. Большая. Долгая. Даже слишком долгая.

Но Рим — сейчас — потерял что-то очень важное. Он потерял умение уступать. Он потерял шум. Он потерял многих. Он потерял тихое, упорное, честное «мы разные, но мы вместе». Он потерял то, за что стояли плебеи у дверей сената.

И это не потому, что Рим плохой. Это потому, что так бывает. Даже у очень хороших. Даже у очень умных. Когда слишком долго не уступаешь — рано или поздно — прорывает. И тогда один становится — вместо всех. И тогда его убивают. И тогда становится ещё хуже. И тогда появляется император.

Я не знаю, что будет дальше. Может быть, я увижу это в следующей поездке. Или даже в этой. Но мне хочется, чтобы Рим вернул себе своё. Я даже не знаю, что именно. То самое — тихое. Шумное. Живое. То, что было у старухи у огня. У плебеев. У Марка.

Он задумался. Дописал внизу:

И ещё. Я видел рыжего мальчика. Похожего на Марка. Может, это его внук. Может, правнук. Может, просто похожий. Но лицо — то же. И взгляд — тот же. Мне стало немного легче. Значит, настоящий Марк — не исчез. Он — в этом мальчике. В этом лице. В этих

веснушках. Рим не забудет, как выглядел Марк. Рим держит своих.

Он закрыл тетрадку.

Посмотрел на браслет. Двадцать.

Подумал: «Осталось два. Ещё одна — страна. И — разбор».

И лёг спать.

Глава 27. Хлеба и зрелищ

Он оказался на улице, которой раньше не видел.
Она была широкая. Не как та, из главы про Форум, уз-

кая и тенистая, где дома толкались плечами. Эта была — просторная, прямая, мощёная гладким камнем — таким гладким, что по нему приятно было идти. По обе стороны — колоннады. За ними — лавки. Ещё дальше — дома в три этажа. Не как раньше. Высокие. С балконами. С резьбой. С занавесками из дорогой ткани.

Витька шёл и смотрел по сторонам.

Он не сразу понял, что изменилось. А потом понял.

Воздух.

Воздух был другой. Не Афины. Не Спарта. Не тот Рим, что был в главе 24. Не тот Рим, что был в главе 26. Это был Рим, где всё случилось. Всё то, о чём мечтали плебеи у дверей сената. Всё то, чего хотел Цезарь. Всё то, о чём рассказывал Марку о гня — давным-давно, в деревне, на холме.

Только — нетак, как они себя представляли.

Он шёл по улице и смотрел.

Люди были нарядные. Толпа — пёстрая. Нет толпы из главы 24, что требовала своего у сената. Другая. Сытая. Довольная. Никуда не спешащая. Ничего не требующая. Ни о чём не спорящая.

Это было самое странное.

В Афинах — толпа спорила. В Спарте — толпа молчала и шла в ногу. В Риме республики — толпа требовала. А здесь — толпа просто шла. Сытые лица. Спокойные глаза. На плечах — не тяжёлые мешки, а корзины.

седой. Хлеб. Мясо. Вино.

Витька остановился и посмотрел.

Он вспомнил главы 24 и 25. Тех плебеев, что медленно и упорно добивались своего. Тех легионеров, что шли в ногу за знаменем. Тех мастеровых с мозолями. Тех, кто строил своё право быть римлянами. Столет. Три. Сталет. Кровью и трудом.

Они получили своё.

Они получили хлеб.

Витька понял это стоской — грустной, тихой, безслов. То, о чём мечтали плебеи и удверей сената, — сбылось. Только сбылось не так, как они думали. Хлеб — давали бесплатно. Значит — не надо бороться. Значит — не надо спорить. Значит — не надо думать. Значит — всё уже есть.

И тогда — зачем голос? Зачем Форум? Зачем сенат? Зачем уступать и добиваться?

Дали хлеб. Тихо. Молча. Ровно.

И всё.

Витька пошёл дальше.

Чем дальше по улице, тем оживлённее становилось. Люди шли в одну сторону. Как тогда, в главе 26, перед Цезарем. Но тогда — на Форум. Сейчас — куда-то ещё.

Он пошёл с ними.

Он не знал, куда идёт. Просто шёл, как все.

Улица вывела его на площадь.

Огромную. Такуюбольшую, чтодомавокругказалисьмаленькими. В центре— что-тогигантское. Каменное. Круглое. Как...нет. Некакпирамида. Пирамида— вверхууженная. Аэто— круглоеивверхурасширяющееся. Какчаша. Огромнаякаменнаячаша. Поставленнаяназемлю.

Колизей.

Витька догадалсясразу. Онслышалэтословораньше. Дома. Вкнижках. Вкино. И теперь— стоялпередним.

Но— невнутри. Снаружи.

Он стоялнакраюплощадиисмотрел.

Зданиебыловысотойстрёхэтажныйдом. Может, счетырёх. Стеныизкамня. Выложеныаккуратно, тщательно, сузором. Проёмыв несколькоуровней. Наверху— тожекаменныезубцы. Каккорона.

Красиво.

По-настоящемукрасиво.

Витька смотрелдолго. Оннемоготорваться. Этобылокрасивеепирамиды. Честнокрасивее. Просто— лучшесделано. Пропорции, резьба, свет. Всёсходилось.

Ивсёжеотэтогозданиявеяло— темже. Темже, чтоотпирамиды. Смертью.

Витька долгонемогпонять, почему. Пирамида— длямёртвогоцаря. Всёясно. Аэто— длячего? Длякого?

Тогдаонпосмотрелналюдей.

Люди шливКолизей.

Сотнями. Тысячами. Ровнымпотокком. Спокойно. Весело. Сдетьминаплечах. Скорзинамиседой. Сфлягамисвином. Какнапраздник. Какнаярмарку. Какначто-тохорошее.

Взрослымужчины. Женщины. Старики. Дети. Всешлитуда.

Витька смотрелнанихичувствовал, каквнутричто-тосжимается.

Он понял— зачемКолизей. Понялбезобъяснений. Несловами, ачем-тодругим. Тем, чемонпонималвсё-этолето— безслов.

Колизей— этонедлятого, чтобыубивать. Убийство— этодеталь. Мясонаарене— этопечальнаянеобходимость. Колизей— длятого, чтобылюдисмотрели. Смотрелиначужуюсмерть. Вместе. Тысячами. Этогонельзяувидетьводиночестве. Это—общее. Это— тажепесня, толькоперевёрнутая. Тажесиласобратьлюдейвместе.

Толькораньше— вместепели. Потом— вместеспорили. Потом— вместестроили. Атеперь— вместе-смотрят, какумираетчеловек. Иэто— тожеобщеедело. Иэто— тожедержитгород.

Только—другое.

Совсемдругое.

Рядом с нимкто-товстал.

Витька обернулся.

Двое.

Молодой человек— летвосемнадцати. Рыжий. Курчавый. Веснушки. Зелёныеглаза. И— рядомсним— девочка. Летшестнадцати. Рыжая. Курчавая. Втакомжевеснушчатомлице. Тежезелёныеглаза. Тажесосредоточенность.

Братисестра. ПонялВитька. Сразу.

Молодой человеккивнулему. Какраньше— Марк. Каквсегда.

Витька кивнулответ.

Девочка тожекивнула. Коротко. Безулыбки.

Ионистояливтрудоёмнакраюплощади. СмотрелинаКолизей. Иналюдей, чтошлитуда.

Молчали.

Долго.

Молодой человексказалчто-то.

Витька непонялслов. Нопонялтон. Как всегда.

Это былонеобъяснение. Это былочто-товроде: «Мынепойдёмтуда». Мынеходим. Мызнаем, чтоэто. Мы—несними.

Витька посмотрелнанего. Потом— надевочку.

Девочка смотреланаКолизейспокойно. Какбудтостараласьпонять, чтоэтотакое— неосуждая, нененавидя, апонимая. Какспартанкавглаве19, котораясиделанакамнеисмотрелавполе. КакЛенкавглаве22.

Витька понял: это—тажесемья. Марки. Род. Через поколения. Стемжевзглядом. Стемжеумениеммолчатьидумать. Итожеупорство— простонадругомуровне.

Вместотого, чтобыборотьсязаголосусената, —теперьборотьсязато, чтобынеходитьвКолизей. Несмотря. Небытькаквсе. Остатьсясобой.

Это— тожесамое. Только ещётруднее. Ещёопаснее. Ещёводиночестве.

Молодой человексказалещёчто-то.

Он показалрукой.

Сначала— наКолизей. Натолпу. Навсех, ктошёлтуда. Потом— насебя. Насестру. НаВитьку.

Тричеловека. Противтысяч.

Витька понял.

Непротив— потомучтосопротивлятьсябессмысленно. Апросто—отдельно. Невтолпе. Немноговстороне. И этогодостаточно. И это— тожесамое«своё», окоторомговорилигреки. ТольковРимеимперии— «своё»сталодороже. «Своё»теперь— неправо. Авывбор. Каждыйдень. Заново.

Девочка посмотреланаВитьку.

Онасказалачто-тобрату. Тихо. Онответил. Тоже тихо.

ИВитькавдругпонял, чторечьонём. Ониобсуждалиего. Неплохо. Просто— обсуждали. Какбратисестраобсуждаюткого-тотретьего, ктооказалсяснимирядом.

Что они решили — Витька не понял. Но полицудево чки видел: приняли. Как своего. Без слов. Без объяснений. Просто — он стоял, не шёл туда, из этого было достаточно.

Люди шли и шли.

Час. Два.

Мимо них проходили семьи. Мужчины смеялись. Женщины обсуждали что-то своё. Дети визжали от радости. Старик шёл медленно, но — шли. Никто не оставался в стороне. Все — туда. В Колизей.

И там — внутри, за стенами, всё уже началось. Витька не видел. Но слышал. Гул толпы. Волнами. То затишье, то взрывается. Как море. Как погода. Как что-то большое, живущее самой своей жизнью, без всякого участия тех, кто внутри.

Это был тот же гул — что и на афинской площади в главе 21. Тот же, чем жил театр. Общий звук многих людей вместе. Только тогда — театр показывал людям самих. А теперь — людям показывают смерть. И толпа гудит. И это — та же толпа, то же собрание. Только наоборот.

Каждый раз — когда гул поднимался и падал, — Витька морщился.

Не от отвращения. А от того, что понимал: если бы он сам был внутри, он бы тоже кричал. Как все. Как любой. Он не был лучше этих людей. Он просто стоял в сто-

роне. Случайно.

И в этом было самое страшное открытие.

К вечеру люди начали выходить.

Усталые. Довольные. Разгорячённые. Сдетьмина-руках — ужасящими. Обсуждали. Смеялись. Хлопали друг друга по плечам. Обычный вечер. Обычный день. Как всегда.

Витька смотрел на них и чувствовал себя очень маленьким.

Не потому, что он был ребёнком. А потому, что он был — один. Три человека на краю площади. И тысячи — внутри. И тысячи — правы. Потому что — так положено. Потому что — Рим. Потому что — величие.

Империя давала хлеб. Империя давала религию. Империя давала порядок. За это — люди шли в Колизей. И были счастливы. И это — тоже правда. И это — самое сложное, что Витька понял в это лето.

Нельзя просто сказать: «Это плохие люди». Нельзя просто сказать: «Это варварство». Это — люди. Обычные. Как ты. Как все. Они искренне радуются. Они искренне любят своих детей. Они искренне — римляне. И они — идут смотреть, как умирает человек. И тоже искренне.

И в этом — предел. В этом — тупик. В этом — страшная правда о том, куда может пойти цивилизация. Самая умная. Самая сильная. Самая каменная. До такого.

Витька обернулся к своим спутникам.
Они смотрели на него. Молча. Ждали.
Он понял вопрос. Без слов. Как всегда.
Он не знал ответа. Также, как в Афинах. Когда Со-
крат спросил его: «А ты что думаешь?». Он не знал. И не-
должен был знать.

Он просто покачал головой.
Девочка кивнула.
Молодой человек тоже кивнул.
И они пошли.
Молча. Втроём. В сторону от Колизея. В узкие улицы.
Домой.

Витька не зашёл с ними.
Он остановился на повороте.
Он посмотрел на Колизей ещё раз. Долго. В сумерка-
х он был особенно красив. Тёмный. Могучий. Вечный.
Как будто он вырос из этой земли, из этого города, из все-
го этого мира. И будет стоять, когда все эти люди исчез-
нут. И будет будить в тех, кто придёт потом, то же само-
е — не восторг. Тоску.

Он поднял руку.
Двадцать один зелёный квадрат. Двадцать первый —
загорелся тихо. Как все. Мягко. Как будто он даже со-
чувствовал Витьке.

Витька сказал про себя:
«Двадцать один. Это — видеть».

И светпомерк.

Дома быланочь.

Витька долгосиделинемогвзятьсясязаручку.

Он не знал, чтописать. Непотому, что небыло слов.
А потому, что это было слишком большим. Слишком-
страшным. Слишком взрослым.

Но потом всё же взял.

Написал сверху:

«Хлеба изрелищ».

И стал писать.

Сегодня я был в Риме империи. Рим стал огромным.
Просто огромным. Красивым. Сытым. Спокойным. Лю-
дина рядом одеты. Хлеб дают бесплатно. Всё есть.

Я видел Колизей. Снаружи. Не внутрь. Я не пошёл.

Он красивый. Честно красивее пирамиды. Аккуратнее.
Точнее. Тщательнее сделан. Ты бы смотрел и восхищался.

Но я смотрел на людей, что шлитуда. И понял самое
страшное.

Туда шли все. Обычные. С детьми. Седой. Свином. Как
на праздник. И внутри убивали людей. И они смотрели. И
кричали. И радовались.

Я думал долго, почему это так.

И понял.

Не потому, что эти люди — плохие. Они не плохие.
Они — тоже, что и все. Что и я. Если бы я был внутри, я
бы тоже кричал. Все бы кричали. Потому что — вместе.

Потому что—все.

Зрелища— это не прото, что кто-то умирает. Зрелища— прото, что все смотрят вместе. И от этого чувствуют себя—одним целым. Одно большое тело. Одна сила.

Как пение. Как театр. Как спор на площади.

Только раньше— вместе пели. Потом— вместе спорили. Потом— вместе строили. А теперь— вместе смотрят, как убивают. И это— тоже самое. Такое же большое. Такое же живое. Такое же—Рим.

И это самое страшное, что я видел за всё лето.

Он задумался. Дописал:

И ещё. Империя даёт хлеб. Хлеб— чтобы не думали. Раньше у плебея было дело— добиваться. Они уступали и уступали, и город креп.

А теперь— нечего уступать. Всё дано. Хлеба. Зрелищ. Только— тихо. Неспорь. Не требуй. Смотри.

Это тоже пирамида. Только не из камня. Из человеческого молчания. Построена на том, что миллионы отказались думать.

Я не знал такого раньше. И теперь не забуду.

И ещё— люди. Двое рыжих. Похожих на Марка. Брат и сестра. Они— не пошли в Колизей. Они— в стороне. Как тот старик в деревне. Как спартакана камне. Как ты, Ленка, когда слушаешь и молчишь.

Они — не лучшие других. Они — просто в стороне. И — в этом всё. Не бороться. Не осуждать. Просто — быть в-

стороне. И —знать.

Он закрылтетрадку.

Посмотрел набраслет. Двадцатьодин.

Подумал: «Осталсяодин».

И лёгспать.

Глава 28. Разбор

Он проснулся **рано**.

Сам. Без будильника. Как будто **что-то** внутри знало: се-

годня. Последний день лета. Последний день поездки.
Последний разбор.

За окном только начинало светать. Небо— серое, мягкое. Не холодное. Просто—раннее. Птицы уже проснулись. Где-то далеко—первый трамвай. Где-то рядом— петух. Свой. Дворовый. Настоящий.

Витька полежал ещё немного.

Потом встал.

Он умылся. Оделся. Взял тетрадку. Привычным жестом— подмышку. Как всегда.

И посмотрел набраслет.

Двадцать один зелёный квадрат. Один пустой. Последний.

Он смотрел на него долго.

Он не знал, что будет, когда загорится последний. Никто не знал. Может— ничего. Может— что-то. Может— браслет исчезнет. Может— всё продолжится, и будет новый браслет, и новое лето, и новый класс.

Витька не боялся. И не ждал с нетерпением. Просто— был готов. Как всегда. Как всё лето.

Он вышел из дома.

Утро было уже позднее, когда он дошёл до гаражей.

Солнце вышло. Август заканчивался. Воздух был другой— не июльский, не жаркий. Остывающий. Слёгкой прохладой в тени. С запахом— листьев, которые скоро пожелтеют. С предчувствием.

Дальние гаражи. Тесамые. У самой реки.

Витька шёлисмотрел. Всётоже. Всёзнакомое. Дворысбабушками. Мальчишкинавелосипедах. Голубинапроводах. Кустсирени—отцветший, ногустой. Скамейкаотсутствующей планкой. Река. Тёплая. Стиной уберега. Сутками.

Он селнаскамейку.

Кривосел. Каквсегда. Какпривык.

И сталждать.

Ленка пришлапервой.

Она всегдаприходилапервой. Дажекогдаприходилавторой. Потомучтоэто—Ленка. Потомучтовсёеё время—её. Неспешит. Неопаздывает. Просто—здесь. Когданадо.

Она подошла. С книжкой. Толстой. В мягкойобложке. Как всегда. С яблокомвкармане. Тожекаквсегда.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — сказал Витька.

Она села. Рядом. Невзатылок. Поплечу. Каксадитсячеловек, скоторымненадоразговаривать, чтобыбылохорошо.

Она откусилаяблоко. Прожевала. Проглотила.

— Последнийденьлета, — сказала она. Спокойно. Безвопроса.

Витька кивнул.

— Первого сентября— школа.

— Ага.

— Шестойкласс.

— Ага.

— Страшно?

Витька задумался. Как всегда, когда она спрашивает так — просто, влоб, без подготовки.

— Незнаю, — сказал он честно. — Может, чуть-чуть. Может, нет.

Ленка кивнула.

— Хорошо, — сказала она.

И замолчала. Спокойно. Без напряжения. Как будто всё уже сказано. Как будто остальное — не её дело. И это было правда.

Петька пришёл через пять минут.

Он всегда приходил через пять минут. Никогда вовремя. Никогда слишком поздно. Просто — чуть после. Как настроение. Как погода.

Он подъехал на велосипеде. Растрёпанный. Улыбающийся. Вовсё лицо — не улыбка, а солнце.

Увидел их издали и заорал:

— О-па-па! Троица собралась! Последний раз летом!

Он подъехал вплотную. Затормозил лихо. Спрыгнул. Бросил велосипед прямо в траву — как всегда. Плюнулся на скамейку — как всегда. Скамейка скрипнула. Куст качнулся. Утка рякнула. Испугалась.

Петька засмеялся.

— Нучто, Витёк, — сказал он. — Готов?

— К чему?

— К финалу, — сказал Петька важно. Как будто он знал, что такое финал. — Лето кончилось. Всё. Баста. Последний разбор, да?

Витька кивнул.

Петька хлопнуло его по плечу. Сильно. Как всегда. Так, что Витька чуть не свалился с скамейки.

— Давай, — сказал он. — Рассказывай. Про Рим, что ли?

И Витька рассказал.

Не так, как писал в тетрадке. Прямо. Как умел. Как клетом — просто, без запинки, без подготовки.

Он рассказал про деревню на холме. Про пять домов. Про старуху у огня. Про волчицу, которой не было. Прото, что миф — это память, только на этот раз — о самом простом. О том, что люди выживали. О том, что зверь жалел детей. О том, что на пустом месте строился город.

Петька слушал. Неперебивал. Как всегда, когда было важно. Только иногда мотал головой. Как будто — не верилось.

Потом — про Форум. Про сенат. Прото лпу. Про мужчину с мозолями, которого не пускали внутрь. Прото, как плебеи собирались тайком и говорили одну вещь — «мы тоже Рим».

Ленка смотрела на него. Внимательно. Как всегда.

Но—невглаза. Куда-то сквозь. Нарекую. Как будто виделато, очёмонговорил. Как будто её глазами он самэто виделлучше.

Потом — пролегион. Промарш. Пропыль. Прознамя. Проразныелица встрою — тёмное, светлое, греческое. Прото, что Римумеет брать чужихиделать своими.

Петька присвистнул.

— Это какнаш двор, — сказалон. — Уна свон, коготольконет. САрмении—Ашот. СУкраины—Тарас. СТатарии—Ильдар. Иничего. Все—наши.

Витька улыбнулся.

— Типатого, — сказалон. — Толькоо них—доконца серьезно. Досмерти.

Петька замолчал.

Потом —про Цезаря.

Витька рассказывалосторожно. Безподробностей. Каконшёлчерезтолпу. Каклюди еголюбили. Каконбылодинзавсех. Икакпотом—сталотихо. Пусто. Никого.

Петька сразусталсерьёзным. Втакие минутыон всегдастановилсясерьёзным. Безперехода. Какбудтощёлкнулвыключатель.

— Прямубили? — спросилонтихо.

— Прямубили, — сказалВитька.

— Пряму сенате?

— Пряму сенате.

— Жёстко.

И рассказал про Колизей. Снаружи. Про людей, что шлитуда — с детьми, седой, свином. Как на праздник. Прогулизу три. Прото, что он не пошёл в нутрь. Продвоих рыжих — брата и сестру, которые то же не пошли. Прото, что это — не «плохие люди». Это — люди. Простые. Такие же, как все. Как ты. Какя. И именно это — самое страшное.

Петька слушал. Молча. Долго. Дольше обычного.

Потом сказал:

— А мы бы пошли?

Вопрос повис в воздухе.

Витька посмотрел на него. Потом — на Ленку.

Ленка не ответила. Просто смотрела на воду.

Витька честно сказал:

— Не знаю.

Петька кивнул.

— Я бы пошёл, — сказал он вдруг. Тихо. Без бравады.

Просто. — Ну, посмотрел бы. Я же — не знаю. Никогда не видел.

— И я бы, — сказал Витька.

Они посмотрели друг на друга.

И оба поняли одно и то же. И от этого стало — не страшно. Даже как-то — спокойно. Как будто правда всегда была вранья. Даже если правда такая.

Ленка сказала:

— А потом бы — что?

Петька сразу не понял.

— В смысле?

— Ну, посмотрел бы ты. Один раз. Два раза. А потом — что?

Петька задумался.

И не нашёл ответа.

— Ну, — сказал он через молчание. — Не знаю. Потом — домой бы пошёл.

— И что дома?

— Как всегда. Ужин. Спать.

— И на следующий день — опять пошёл бы?

Петька задумался ещё раз. Долго.

— Ну, нет, — сказал он наконец. — Каждый день — ну на фиг. Скучно же.

Ленка кивнула.

Она ничего не сказала. Ни ему, ни Витьке. Просто кивнула — и откусила ещё яблоко. Хрустнула. Медленно прожевала.

Витька смотрел на неё и думал: она опять права. И опять — без слов. Как всегда. И он не стал ничего говорить. Ненадобыло. Всё было сказано.

Они сидели долго.

Солнце поднялось. Стало по-настоящему тепло. Утки загоготали. Кто-то — из дальних дворов — крикнул детей домой обедать. Пахло — осенью. Близкой.

Петька смотрел на brasлет.

Он всёвремянанегопоглядывал. Ссамогоначала.
Инаконецневыдержал.

— Слушай, — сказалон. — Апоследний— когда?
Витька посмотрелнаруку.

Двадцатьодинзелёный. Одинпустой. Последний.

— Незнаю, — сказалончестно. — Может, сегодня.
Петька вытаращилглаза.

— Что— сегодня?!

— Может, — спокойносказалВитька. — Яне-
знаю, какэтоработает. Просто—знаю, чтопоследний.
Он—последнийзаэтолето.

Петька посмотрелнаЛенку.

Ленка —наВитьку.

Витька —нареку.

Молчание.

Потом Ленкасказала:

— Нуи? Чегосидим?

Витька посмотрелнанеё.

— Что«чего»?

— Рассказывайдалее, — сказалаЛенка. Спо-
койно. Какбудтовсёужерешено. — Тыженезакончил.
Ещё—разбор.

Витька вдругпонял, чтоонаправа.

Он всёэтовремядумал, чтофинал—этобраслет. По-
следнийквадрат. Что-топроизойдёт. Что-тозакончит-
ся.Афинал— вотон. Здесь. Сейчас. Сними. Последняя-

яглава— этонебраслет. Последняяглава— эторазбор.

Прямосейчас.

Он выдохнул.

И начал.

Он сталрассказыватьвсёсразу. Уженепостранам. Апочему-тодругому. Чтовиделзаэтолето. Чтопонял.

Он рассказалпропирамиду. Прото, чтоона—каменьнакамне, радимёртвогоцаря. Ичтолюди, которыеёестроили, —нерабынашемсмысле. Они—тежелюди. Простые. Смозолями. Сименами. Иимтожехотелосьчего-тобольшого. Иэто—страшнаяправда: человекунужночто-тобольшое. Дажееслиэто—смерть.

Он рассказалпроглиняныетаблички. Проклинопись. Прото, чтолюдипридумалиписать—недлякрасоты. Ачтобынезабыть. Учёт. Зерно. Долги. Апотом—ужеистихи. Иэто—тожеважно. Всёначинаетсяс простого. Сзерна. Сдолга. Сучёта. Апотом—вырастаетвпоэму.

Он рассказалпроГрецию. ПростариканаКрите, которыйсказал: «Минотавранет». Прослепогопевца, которыйпелподплатаном. Проспартанкунакамне. Промарафонскуюлинию, неровнуюиживую. ПроАфины, гдессеспорили. ПроСократа, которыйтолькоспрашивал.

Он рассказалпроРим. Продеревню, котораясталагородом. Проплебеевудверейсената, которыемедлен-

нодобивались своего. Пролегиион, который шёл в ногу. Про Цезаря, который остался один. Про Колизей, который красив снаружи.

И потом сказал то самое, что было главное. То, что он понимал не в какой-то отдельной стране, а за всё лето сразу.

— Понимаешь, — сказал он Петке и Ленке. — Везде — одно и то же. Везде — люди хотят быть вместе. Только по-разному. Египтяне — вместе строили пирамиду. Междуречье — вместе писали. Греки — вместе пели, а потом — вместе спорили. Римляне — вместе шили в ногу. А потом — вместе смотрели, как убивают. И всё это — одно и то же. Одно. Просто — разное. И чем больше — тем страшнее. Потому что — сильнее.

Петка молчал.

Ленка тоже.

Витка продолжил:

— Изнаешь, что я понял? Что главное — не быть вместе вообще. Главное — быть вместе и не терять себя. Как Сократ. Как спартанка. Как те двое рыжих у Колизея. Как вы. Вот сейчас. Мы втроём. Сидим. Молчим. И ничего не надо. И это — главное.

Он замолчал.

Петка смотрел на него серьёзно.

Ленка — внимательно. Мягко. Как всегда.

И тогда — Петка сказал:

— Витёк.

— Что?

— Ты нормальный пацан, — сказал Петька. — Реально. Все эти дела — это... ну, круто. Я бы так не смог. Мне бы — ржать охота. А ты — вот так. По делу. И — за это.

Он протянул руку.

Витька посмотрел на руку. Потом — на Петьку.

Петька никогда не протягивал руку. Ни разу за всё детство. Он хлопал по плечу. Толкал. Смеялся. Ржал. Но руку — никогда.

Витька протянул свою.

Они пожали руки. Коротко. Как мужчины. Как римляне.

Ленка смотрела на них обоих. И улыбалась.

По-настоящему. Не уголком.

И в этот момент Витька почувствовал — тепло.

Не солнце. Что-то другое. Внутри. В руке.

Он посмотрел вниз.

Последний квадрат горел.

Зелёный. Мягкий. Тихий. Как все.

Двадцать два.

Витька смотрел на руку. Долго.

Ничего не произошло. Небось упало. Полноразверзся. Свет не померк. Просто — стало чуть-чуть теплее. В руке. И чуть-чуть** —** в груди.

Ленка сказала:

— Горит?

— Горит, — сказал Витька.

Петька смотрел на браслет вытаращенными глазами.

— Все? — только и спросил он.

— Все, — сказал Витька.

Петька помолчал.

Потом сказал важно, как будто ставил точку:

— Ну и всё. Молодец.

И засмеялся. Первый. Как всегда. И все засмеялись.

Смеялись долго.

Потом — затихли.

Наступила та самая тишина, которая была у них всё это. Ненеловкая. Непустая. Та, в которой можно сидеть — втроём и ничего не говорить. И это — хорошо.

Утки плавали. Голуби ходили по берегу. Где-то далеко — собака лаяла. Кто-то во дворе — кричал. Классика. Обычный августовский день.

Витька смотрел на реку.

Он думал про браслет.

Всё двадцать два. Все горят. Зелёные. Тихие.

И — ничего. Никакого обещания. Никакого знака. Никакого «а теперь — вот тебе награда». Просто — браслет. Просто — всё. Как будто браслет не был ни для чего. Как будто был — для самого себя.

Витька понял одну вещь.

Ничего не будет.

Не будет никакого сюрприза. Никакого финала. Ни-

какого—«атеерьтысталдругим». Просто— лето кончилось. Просто— браслет заполнился. Просто— завтра— первое сентября.

И от этого стало— легко. Почему-то— легко.

Потому что браслет ни когда не обещал ничего. Он просто был. А всё остальное— сам Витька. Сам. Своими руками. Своими глазами. Своей головой.

Он посмотрел на руку ещё раз.

И тихо, просебя, сказал:

«Спасибо».

— Слушай, — сказал Петька. — А он— навсегда?

Витька посмотрел на него.

— Что— навсегда?

— Браслет. Ну, я имею в виду— он теперь так будет— всё?

— Незнаю, — сказал Витька честно. — Может, будет. Может, нет.

Петька задумался.

— А если нет?

— Ну что?

— Ну, — Петька пожал плечами. — Не жалко?

Витька подумал минуту.

— Нет, — сказал он. — Не жалко.

И улыбнулся. По-настоящему.

— Знаешь почему?

Петька покачал головой.

— Потомучто— яженезабуду, — сказал Витька.
— Ни пирамиду. Ни Минотавра. Ни Марафон. Ни Цезаря. Ни Колизей. Ни Марка. Ни—вас. Ничего. Даже если браслет исчезнет. Даже если—вообще всё забуду. Всё равно—что-то останется. Что-то внутри. Понимаешь?

Петька кивнул. Серьёзно.

— Понимаю, — сказал он. Тихо.

И —наэтотраз—никто не засмеялся. Потому что это было несмешное. Потому что это было—важное.

Ленка встала.

Неспеша. Как всегда. Как будто время—её. Как будто—никуда и не надо.

— Пойдём? — сказала она.

Витька посмотрел на неё.

— Куда?

— Погуляем, — сказала Ленка. — Последний день лета. Первого сентября—школа. Мама не сказала—я буду—ну, неважно. Пойдём.

Витька встал.

Петька встал.

Криво— как всегда— поднял с скамейки свой велосипед.

Пошли вдоль берега.

Молча.

Втроём.

Уже—неподорогеизгаражей. Простопоберегу. Как-
всегда. Каквсёдетство. Каклето. Как—жизнь.

Вечер пришёлнезаметно.

Солнце клонилоськзакату. Рекасталазолотой. Ко-
марывылетели. Уткипоплылиспать. Где-тодале-
ко—пахлодымом. Кто-тожеглистья. Первоепредчув-
ствиеосени.

Они сиделинакамне. Втроём. Смотрелинаводу.

Долго.

Никто неговорил.

Потом Витькасказал:

— Авшестомклассе—что?

Ленка посмотрелананего.

— Ну, история, — сказалаонапросто. — Мыв-
прошломгодудошлидоРима. Значит, вэтом— дальше.
Средниевека. Дальше. Рыцари. Инквизиция. Потом—
открытия. Потом— Колумб. Потом— революции. По-
том— мы.

Витька кивнул.

Дальше. Значит— дальше. Значит— неконец.

— Ещёлетобудет, — сказалПетькавдруг. — Вследу-
ющемгоду. Итоже— целыйгод. Тоже—кучавремени.

— Целыйгод, — согласиласьЛенка.

— Целыйгод, — сказалВитька.

И улыбнулся.

Витькапосмотрелнаруку.

Браслет. Двадцатьдвазелёных. Все. Тихие. Тёплые.
Он подумал—просебя.

Неотом, чтобыло. Отом, чтобудет.

Средниевека. Рыцари. Замки. Крестовыепоходы.
Монахискнигами. Соборы. Витражи. Карты.

Открытия. Корабли. Колумб. Магеллан. Новый-
свет.

Революции. Пушки. Бастилия. Наполеон.

И—что-тоещё. Что-то—после. Что-то— ужепочти-
рядом. Ужепочтипронас.

Он незнал, чтобудет. И—нехотелзнать. Слишкомм-
ногоинтересноговперед. Слишкоммного—неизвест-
ного. Иэто— лучше. Намноголучше, чемеслибыон-
зналзаранее.

Незнание—нестрашно. Незнание— это—вкусно.
Какпервоеяблоколетом. Какпервыйснегзимой. Ка-
кто, чтоещёнеслучилось.

Он сжалрукув кулак.

Тихо.

И—разжал.

Ленка всталапервой.

— Мнепора, — сказалаона. — Мамабудетругаться.
Последнийдень—аменянет.

Витька встал.

— Проводить?

— Ненадо, — сказалаЛенка. Спокойно. Каквсегда.

— Знаешь же. Я—сама.

И посмотрелананего. Долго. Прямо.

Молча.

Потом —чуть-чутьулыбнулась. Уголкем. Каквсегда.

И пошла.

Книжкаподмышкой. Огрызокяблокавкармане.

Прямая, лёгкаяпоходка. Неоглядываясь. Каквсегда.

Витька смотрелейвслед.

Долго.

Он думал— пронеё. Прото, чтоона—никогданего-
воритмного. Прото, чтоона—всегдаподелу. Прото,
чтоона—понялапроСократалучше, чемонсам. Прото,
что—еслибыонапопалавРим, онабы—непошлав-
Колизей. Кактедвоерыжих. Какспартанка. Как— он-
сам.

Она—своя. По-настоящему. Своя—всегда. Своя—
безвсякогобраслета.

И —отэтосталохорошо.

Какбудтозаэтолето—оннашёлчто-то, чегонеискал.
Инепотерял.

Петька подошёлсвелосипедом.

— Нучто, Витёк, — сказалон. — Ятожепоеду. Ба-
тяобещалсутра—нарыбалку. Надо—перешколой. По-
следнийраз. Ато—первоесентября. Уроки. Дела. —ну-
его.

Витька кивнул.

— Давай, — сказалон.

Петька селнавелосипед. Хотелужеехать— и остано-
вился.

Обернулся.

— Слушай, — сказалон. Снемногодругимлицом.
Нестем, которыйржал. Другим. — Еслиты—проэто-
лето—ну, черездесятьлет—вспомнишь. Тывспомни-
променя. Ладно?

Витька посмотрелнанего.

— Обязательно, — сказалон.

— Не забудь.

— Не забуду.

Петька улыбнулся. Опять—вовсёлицо.

И уехал.

Быстро. Лихо. Каквсегда. Растрёпанный. Смешной.
Свой.

Витька смотрелемуvsлед.

Долго.

Он осталсяодин.

Наберегу. Уводы. Втишине.

Солнцеужекрасное. Огромное. Опускалосьзареку.
Небо—розовое, золотое, мягкое. Комары. Утки. Ти-
науберега. Тёплая. Знакомая.

Витькаселнакамень.

Рядом—камни. Плоские. Гладкие. Сдетстваизвест-
ные.

Он взял тетрадку.

Открыл.

Нашёл—чистую страницу. Последнюю залето.

Взял ручку.

Задумался.

Долго.

Потом написал сверху:

«Конец тетрадки».

И—замер.

Ручка зависла над бумагой.

Он не знал, что писать.

Потому что— всё было уже написано. Всестраны.
Все главы. Все слова. Всё— донна.

И—всё же—надо было что-то написать.

Просто—поставить точку.

Он написал:

Сегодня—последний день лета. Завтра—первое сен-
тября. Шестой класс.

Браслет—заполнен. Все двадцать два—горят.

Я не знаю, что будет. Может, браслет исчезнет. Мо-
жет, останется. Может—будет новый. Я не знаю. И—
не хочу знать.

Я просто—записываю. Чтобы помнить. Всё. Чтобы-
ло. Что я понял.

Египет. Междуречье. Греция. Рим.

Пирамида. Клинопись. Песня. Легион.

*Строить. Писать. Измерять. Понимать. Помнить.
Быть. Думать. Творить. Видеть. Петь. Спорить. Сво-
бода. Уступать. Принимать. Терять. Видеть.*

Двадцатьдваслова. Двадцатьдваквadrата. Однолето.

Чтояпонялглавное?

Одно. Простое.

*Люди всегда—вместе. Потому что—так надо. По-
тому что—иначе никак. Потому что—человек без вместе—
не человек.*

*Нo вместе—это не значит— одинаково. Вместе—это
не значит— молчать. Вместе—это не значит— смот-
реть, как убивают.*

*Вместе—это значит— быть вместе и—оставаться
собой. Как Сократ. Как спартанка. Как Ленка. Как Петь-
ка. Как те двое рыжих у Колизея. Как—*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.